

Глава VI. Случайный гость с державным скипетром

Елизаветино время

С прекращением мужской линии Романовых и вступлением на российский престол младшей дочери Петра I, казалось бы, нет основания говорить о дальнейшем развитии династических связей императорского дома с правящими фамилиями Германии. Однако в действительности именно в царствование Елизаветы Петровны происходит расширение этих связей. Речь идет прежде всего о сыне герцога Голштинского, племяннике российской императрицы, которого она пригласила в Россию и объявила своим наследником. Более того, по воле той же Елизаветы Петровны невестой и позже супругой будущего русского царя становится немецкая принцесса Софья-Августа-Фредерика, с деятельностью которой связана целая эпоха в истории России.

Но все по порядку.

К утру 25 ноября 1741 года был подготовлен и опубликован манифест о восшествии Елизаветы Петровны на престол. В нем новая императрица извещала верноподданных, что «соизволила воспринять отеческий престол» по всеподданнейшей и единогласной просьбе всех как духовных, так и светских чинов и особенно лейб-гвардии. Спустя два дня был издан еще один манифест. В нем назывались причины, побудившие дочь Петра I принять бразды правления, а также разъяснялся порядок престолонаследия, определенный завещанием императрицы Екатерины I. В восьмом пункте завещания говорилось, что в случае отсутствия детей у Петра II престол должен перейти к цесаревне Анне Петровне и ее потомству, а затем к цесаревне Елизавете. Здесь же подчеркивалось, что «никто не принадлежащий к православному исповеданию или имеющий другую корону не может быть наследником». Дворцовый переворот Елизаветы Петровны имел одну важную отличительную особенность: русская гвардия осуществляла его, руководствуясь прежде всего патриотическими чувствами, осознанием своего долга перед Отечеством.

Провозглашение Елизаветы Петровны императрицей вызвало в России во всех социальных слоях общества всеобщую радость. Русские люди надеялись, что она будет управлять державой по заветам своего отца-реформатора. Мысль о преемственности наследия преобразователя А. П. Сумароков выразил следующими словами:

О мать своего народа!

Тебя произвела природа

Дела Петровы окончат!

В проповедях дворцовый переворот 25 ноября изображался как гражданский и религиозный подвиг лично Елизаветы Петровны, а оды М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова пропагандировали концепцию «возрождения России ото сна».

Елизавета Петровна одновременно с обнародованием манифеста отметила наградами и повышениями по службе преданных ей людей – участников дворцового переворота под русским знаменем. Медик Лесток, наиболее способствовавший организации переворота,

стал действительным тайным советником, первым придворным медиком и директором Медицинской коллегии, которая подчинялась только императрице. Елизавета Петровна пожаловала ему личный портрет, осыпанный бриллиантами, а также деньги. Другие наиболее активные участники события 25 ноября 1741 года получили государственные должности и генеральские чины. Князь А. М. Черкасский был назначен канцлером, А. П. Бестужев-Рюмин – вице-канцлером, князь В. Долгоруков – президентом Военной коллегии. Хотя Алексей Разумовский не был непосредственным участником переворота, он стал поручиком лейб-гвардии с чином генерал-поручика и одновременно с братьями А. И. и П. И. Шуваловыми и М. И. Воронцовым был пожалован в действительные камергеры. Кроме того, сторонники Елизаветы Петровны были щедро награждены землей и крепостными крестьянами.

Императрицей были специально вознаграждены гвардия и полки Петербурга. Гренадерскую роту Преображенского полка Елизавета Петровна отметила особо: она стала называться лейб-компанией, все унтер-офицеры, капралы и рядовые стали потомственными дворянами, их имена внесли в дворянскую книгу, офицеров приравнивали к генеральским чинам. Сама императрица согласилась быть капитаном этой роты. В именном указе, изданном в последний день счастливого для Елизаветы Петровны 1741 года, говорилось: «Понеже во время вступления нашего на всероссийский родительский наш престол полки нашей лейб-гвардии, а особливо гренадерская рота Преображенского полка, нам ревностную свою верность так показали, что мы оною их службою, помогающую нам всемогущему господу богу, желаемый от всего государства нашего успех в восприятии престола безо всяких дальностей и не учиня никакого кровопролития получили; и яко же мы в том благодарны есть господу богу, подателю всех благ, за неизреченную его милость к нам и всему государству нашему, так, имея во всемилостивейшем нашем рассуждении и верную службу вышеописанных, не можем остаться, особливою нашей императорской милости к ним».

30 ноября 1741 года состоялось первое торжество в новое царствование – отмечался орденомский праздник Андрея Первозванного. После службы в придворной церкви Елизавета Петровна пожаловала кавалерскую ленту троим генерал-аншефам – Румянцеву, Чернышеву и Левашеву, действительному тайному советнику Бестужеву-Рюмину, а генералу Ушакову, графу Головину и князю Куракину, уже имевшим этот орден, – золотые цепи к нему.

Сенат получил императорские указы о предоставлении свободы пострадавшим в царствование Анны Иоанновны, и многие опальные вернулись из ссылки. Уже 4 декабря 1741 года были, например, восстановлены в прежних чинах князь Василий и Михайло Долгорукие. 8 января 1742 года дети казненного Волынского получили все конфискованное имущество отца. Возвратился из далекой сибирской ссылки и бывший до 1731 года первым лицом при дворе цесаревны Елизаветы Петровны сержант Семеновского полка Алексей Шубин, сын бедного владимирского помещика. Однажды неосторожно высказавшись об императрице Анне Иоанновне, он был схвачен и после наказания кнутом и вырезания языка сослан на Камчатку.

В 1745 году императрица Елизавета Петровна возвратила из сибирской ссылки ту, у которой когда-то сама целовала руку как у своей будущей государыни. Речь идет о бывшей невесте императора Петра II княгине Екатерине Долгорукой. Только один раз в жизни эта гордая и независимая женщина снизошла до просьбы: из березовского заключения она просила Анну Иоанновну, чтобы ей разрешили выйти замуж хотя бы за солдата. Возвращенная княжна вышла замуж за А. Брюса.

Между тем в Петропавловской крепости, где находились арестованные генерал-фельдмаршал граф Миних, министры правительства Анны Иоанновны графы Остерман и Головкин, обер-гофмаршал граф Левенвольд, президент Коммерц-коллегии барон Менгден (брат фрейлины Анны Леопольдовны Юлианы Менгден), действительный статский советник Тимирязев и секретарь Кабинета министров Яковлев, работала особая комиссия во главе с генерал-прокурором князем Никитой Трубецким для выявления вины каждого.

По определению Сената их приговорили к смертной казни. «17 января утром по всем петербургским улицам, – пишет С. М. Соловьев, — раздавался барабанный бой: народу объявили, что на следующий день в 10 часов утра будет совершена публичная казнь над врагами императрицы и нарушителями государственного порядка. 18 числа с раннего утра толпа уже начала собираться на Васильевском острове, на площади перед зданием коллегий».

После того как часы пробили десять, на Сенатской площади, где стояло шесть тысяч гвардии и множество народа, появились осужденные. Впереди всех на простых санях везли больного ногами Остермана. За ним шли Миних, Головкин, Менгден, Левенвольд и Тимирязев.

Четыре солдата подняли Остермана и внесли на эшафот, посадив его там на стул. Сенатский секретарь зачитал приговор бывшему адмиралу, в котором тот обвинялся в сокрытии духовного завещания Екатерины I, в составлении проектов против Елизаветы и в пользу принцессы Анны Леопольдовны, а также в других государственных преступлениях. Свое несчастье Остерман перенес с твердостью, его лицо, обросшее бородой, было спокойно. Он слушал обвинения с непокрытой головой.

Наконец секретарь, зачитав пять листов приговора, объявил решение Сената: виновного колесовать. На эшафоте лежали две плахи и топор. Солдаты, сняв графа с носилок, положили его голову на плаху, лицом вниз. Палач расстегнул осужденному воротник рубашки и обнажил шею. В этот момент секретарь Сената подошел к Остерману и зачитал другую бумагу: «Бог и государыня даруют тебе жизнь». Императрица заменила ему казнь на вечное заточение в Березов. После этого гвардейцы вновь подняли больного графа и снесли вниз, посадив в сани. Сохраняя спокойствие, осужденный Остерман попросил свои парик и колпак и надел их.

Фельдмаршал Миних, одетый в серое платье, поверх которого был красный плащ, спокойно взошел на место, где объявляли приговор. Решение Сената четвертовать бывшего президента Военной коллегии Елизавета Петровна заменила вечной ссылкой. И Миних слушал секретаря с полным хладнокровием. Приговоренные к отсечению головы графы Левенвольд, Головкин, барон Менгден также были помилованы императрицей с заменой казни ссылкой. Уже на следующий день осужденные были отправлены в Сибирь. Супруги Остермана, Миниха и Головкина последовали за своими мужьями.

Свою долгожданную победу Елизавета Петровна отметила торжественной коронацией в Москве.

По решению Сената ее подготовкой руководили граф Семен Салтыков и архиепископ Новгородский Амвросий Юшкевич. В связи с предстоявшей торжественной коронацией в Первопрестольной одно из распоряжений императрицы относилось к кавалергардам. В ее указе от 31 декабря 1741 года говорилось: «Божиею Милостию Мы Елисавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая... А гренадерскую роту Преображенского полка жалуюм: определяем ей имя – Лейб-Компания, в которой капитанское место Мы, Наше Императорское Величество, соизволяем сами содержать и оною командовать, а в каком числе, каких чинов оная Наша Лейб-Компания состоять имеет, и, какие ранги обер- и унтер-офицерам и рядовым Мы Всемилостивейше пожаловали, то следует при сем...» Когда лейб-компания впервые явилась на парад в новой форме, то она оказалась не чем иным, как восстановлением формы, учрежденной императором Петром I для обер- и унтер-офицеров гвардии. Лейб-компания утверждалась как придворная стража.

В состав лейб-компания вместе с А. Г. Разумовским, М. Л. Воронцовым и двумя братьями Шуваловыми (Александром и Петром) вошли 381 человек. Сама лейб-компания состояла из двух групп, а именно: 1) бывших «при благополучном восшествии Ея Императорского Величества на всероссийский Императорский, наследный престол» и 2) не бывших при этом событии. Разумеется, «бытность» имела исключительное значение для 68 кавалергардов и особенно была замета при наложении на них уголовных наказаний и при увольнении в отставку.

Из Санкт-Петербурга Елизавета Петровна со своим двором выехали 23 февраля 1742 года и 26 февраля остановилась в селе Всехсвятском, в семи верстах от Москвы.

28 февраля 1742 года жители Москвы слышали девять пушечных выстрелов, сопровождаемых колокольным звоном. Это был сигнал о том, что приближается церемониальный поезд императрицы. У Тверских триумфальных ворот Елизавету Петровну встретили и поздравили с благополучным прибытием московский вице-губернатор, руководители комиссий, другие официальные лица. От Тверских ворот до Успенского собора шпалерами стояли войска, улицы в центре города были запружены народом.

Впереди торжественного шествия ехали в два ряда двадцать четыре гренадера. За ними следовали кареты знатных персон, далее верхом тридцать дворян также по два в ряд. Знаменитую лейб-гвардию возглавлял поручик Александр Шувалов. За гвардией ехал верхом А. П. Сумароков, как раз перед императорской каретой, которую сопровождали князь Куракин и поручик Воронцов. С обеих сторон кареты шли гайдуки, а сзади ехали верхом камер-пажи. За каретой Елизаветы Петровны двигалась карета ее племянника герцога Шлезвиг-Голштинского. Затем вновь шла лейб-гвардия во главе с Петром Шуваловым, за ней – придворные дамы. Поезд императрицы замыкали «разных персон дорожные сани».

В Кремле, близ Успенского собора, императрицу встретило высшее духовенство. Елизавета Петровна вышла из кареты и в окружении хоругвей и икон направилась в Успенский собор.

В момент вступления ее в храм снова раздались пушечные выстрелы из 85 орудий. Стоявшие вокруг войска одновременно палили беглым огнем. После приветствия Амвросия и молебна Елизавета Петровна посетила Архангельский и Благовещенский соборы. Вечером того же дня был придворный бал.

Коронация Елизаветы Петровны состоялась 25 апреля 1742 года; она проходила очень торжественно, под руководством особо назначенных обер-маршала и обер-церемониймейстера. В Успенском соборе обряд коронации совершал архиепископ Новгородский Амвросий Юшкевич. Новизна коронации Петра I заключалась в том, что корону надевал не высший духовник, а сама императрица. Кроме того, к царским регалиям добавились государственное знамя, печать и меч. После коронации двор императрицы оставался в Москве до конца года. Елизавета Петровна любила Москву; впоследствии она нередко подолгу жила здесь со своим двором, и тогда первопрестольная оживала, как и в прежние времена.

Правление фаворитов

В начале своего царствования Елизавета Петровна проявляла большой интерес к государственным делам, но затем управление империей стали осуществлять ее фавориты.

Новое правительство сразу же предприняло энергичные меры для того, чтобы ликвидировать следы краткого пребывания у власти императора Иоанна VI Антоновича. Было строжайше запрещено указывать его имя и титул в грамотах. По всей империи разослали распоряжение о немедленной отправке в Сенат манифестов, паспортов, деловых бумаг, в которых упоминался юный монарх. Одновременно изымались монеты с изображением Иоанна и печатные издания, где говорилось о нем.

Заняв престол, Елизавета объявила, что в управлении государством она будет следовать заветам своего отца-реформатора, и главную задачу видела в восстановлении государственных органов и законодательства петровского времени. В связи с именовым указом от 12 декабря 1741 года был издан пакет постановлений. Императрица упразднила Кабинет министров, учрежденный при Анне Иоанновне, восстановила Мануфактур- и Берг-коллегии^[39], Главный магистрат. Сенату, составленному из самых доверенных лиц императрицы, возвратилась вся полнота власти петровского периода, его первенствующая

роль. С начала деятельности Сената Елизавета Петровна достаточно часто посещала его заседания. Однако в практической деятельности дочь великого преобразователя не могла обойтись без Верховного Тайного Совета и Кабинета министров, и поэтому в 1756 году возникло постоянно действующее совещание под названием Конференция при высочайшем дворе. В новом органе, стоявшем над Сенатом, участвовали руководители военного и дипломатического ведомств и те, кого императрица приглашала лично. В начале процесса восстановления системы высших учреждений в петровском духе возникли известные трудности с кадрами, поскольку при Анне Иоанновне они состояли главным образом из иностранцев. Таким образом, в царствование Елизаветы Петровны в ходе вышеназванных и других преобразований продолжалось укрепление абсолютной власти монарха, усиление бюрократизации центрального аппарата.

В частности, одним из убедительных доказательств этого исторического процесса явилась деятельность Тайной канцелярии, которая была нужна всем занимавшим русский престол, а при Елизавете Петровне как никогда раньше наиболее близко стояла к верховной власти. Именным указом от 29 ноября 1743 года Тайная канцелярия по своему статусу ставилась наравне с Сенатом, Синодом, и более того, она не подчинялась им. Право прямых докладов императрице было мощным оружием в руках генерала А. И. Ушакова – начальника Тайной канцелярии, которому Елизавета Петровна доверяла. В большинстве случаев императрица давала генералу Ушакову указания устно, сохранив привычку Анны Иоанновны часто на выдержках доклада ставить краткую письменную резолюцию. Именно в царствование Елизаветы Петровны Ушаков лишил другие правительственные учреждения возможности оказывать влияние на дела его Тайной канцелярии. Ни кабинет, ни Сенат, ни Синод не смели вмешиваться в его работу. Тайная канцелярия в государственном аппарате стояла особняком, находясь полностью в сфере личного контроля императрицы, и в то же время имея право вмешиваться в деятельность других высших учреждений и высокопоставленных лиц.

Императрица Елизавета Петровна, как и ее предшественники на престоле, нередко сама вмешивалась в следствие, давала указания Ушакову. Так, например, в 1745 году она приняла самое непосредственное участие в процессе рассмотрения одного дела: лично производила допросы, один из них даже собственноручно записала. Дело в том, что Тайная канцелярия получила донос о том, что в глуши России несколько дворян в беседе плохо отзывались об императрице Елизавете Петровне и очень хвалили бывшую правительницу Анну Леопольдовну. Речь шла о дворянах Андреане Беклемишеве и Евстафии Зимнинском, которых императрица допрашивала дважды. Как видим, злополучная судьба Брауншвейгской фамилии тоже нашла свои отголоски в народных толкованиях, в частности, особенно о бывшем малолетнем императоре Иоанне VI Антоновиче.

Любопытно, что расследования по преступлениям против личности императрицы Елизаветы Петровны, судя по материалам Тайной канцелярии, составляли первую и наиболее обширную группу из всех ее розыскных дел. Кстати, эти преступления весьма разнообразны: здесь есть и злоумышление «к повреждению высочайшего ея И. В. здравия и непочтительные о ней отзывы», и действия раскольников, и богохульные деяния; здесь же выражаются народные толки и взгляды на то или иное событие из жизни императрицы Елизаветы Петровны, на распоряжения ее правительства.

И в царствование Елизаветы Петровны в Тайной канцелярии производилось много дел по ложному выкрику «Слово и Дело!», а также за убийства, грабежи, подделку паспортов и другие, менее серьезные преступления.

Вторую группу розыскных дел Тайной канцелярии составляли дела, в которых выражались толки и взгляды на отношения императрицы к своим фаворитам, преимущественно к братьям Разумовским. Особенно поражало современников положение при императрице старшего из них, Алексея Григорьевича. Правда, в народных суждениях о нем иногда фигурировал и Кирилл Григорьевич. Малоросс, сын простого бедного казака, Алексей Разум первоначально был взят в придворные певчие, затем стал получать придворные должности и награждаться высшими военными чинами. Бывший певчий стал

знатнейшим сановником в империи. Лица, быстро возвышавшиеся, были и раньше, особенно много их было среди «птенцов» Петра I, отца Елизаветы Петровны. Но их заслуги перед государством были известны всем. А об Алексее Разумовском ничего не было известно, и его стремительная карьера при царском дворе поражала народ, который в связи с этим обстоятельством и высказывал свои суждения. Все толки сводились к тому, что императрица слишком милостива к Разумовскому, что тот силен лишь одним расположением Елизаветы Петровны, что временщик не достоин получаемых наград. Так, два приятеля – капрал кадетского шляхетского корпуса и дворцовый служитель за разговоры о Разумовском были наказаны плетью и сосланы в отдаленные гарнизоны, в солдаты. Болтунов нещадно били кнутом и отправляли в ссылку.

Одного гренадера глуховского гарнизонного полка за ложное высказывание «слова и дела» наказывали шпицрутенами неоднократно, но тот не унимался. Однажды произнес перед своими товарищами солдатами такие слова: «Мир, народ Божий, слушай! Я – царевич!» Самозванца наказали кнутом и с вырезанными ноздрями сослали в Оренбург, на вечную каторгу.

Или вот еще пример. Крестьянин Иван Михайлов деревни Лапинской Карошинской волости сочинил «таблицу, в коей написано было тако: я – Иоанн, император и самодержец всероссийский, Елизавету Императрицу и наследника ея свержу с престола; и ныне я под прикрытием нахожусь в Негренской пустыни казначеем, в том и подпишусь своеручно я, Иван Михайлов». За изобретенную таблицу ее автор получил помимо пыток в Тайной канцелярии наказание кнутом и с вырезанием ноздрей был выслан на вечные работы. После смерти генерала А. И. Ушакова его должность занял граф Александр Иванович Шувалов, его помощник и преемник, занимавший ее вплоть до ликвидации Тайной канцелярии.

Вместо Тайной канцелярии была учреждена Тайная экспедиция при Сенате. Ее возглавил бывший секретарь Тайной канцелярии Шешковский, туда перешел и весь аппарат ликвидированной страшной организации. Тайная экспедиция просуществовала до Александра I.

Тенденция дальнейшего укрепления абсолютной власти монарха, зависимости от него дворянской элиты в царствование Елизаветы Петровны в наибольшей степени проявилась в факторе фаворитизма, ставшего важным элементом правления. Генерал-фельдмаршал Б. К. Миних в своих «Записках» упрекал императрицу в том, что «она была очень непостоянна и часто меняла фаворитов». Но смена именитых сановников из окружения Елизаветы Петровны у кормила власти зависела не только от самодержицы.

Из фаворитов младшей дочери Петра I в разное время наибольшее влияние в государственных делах имели: братья Разумовские, Лесток, А. П. Бестужев-Рюмин, братья Шуваловы, М. Воронцов. Между царедворцами, стремившимися оказать влияние на императрицу, шло постоянное соперничество, нередко заканчивавшееся полным фиаско для одного из них.

В сонме придворных фаворитов Елизаветы Петровны выделялся Алексей Григорьевич Разумовский.

...В праздничный день, в начале января 1731 года, полковник Вишнеvский, возвращаясь из Венгрии, откуда вез вина для стола императрицы Анны Иоанновны, проезжал через село Чемер. Полковник зашел в местную церковь и там был очарован голосом Алексея – сына бедного казака Григория Розума. Вишнеvский уговорил мать певчего, Наталью Демьяновну, отпустить своего сына в Петербург. Приехав в столицу, полковник представил молодого и красивого Розума обер-гофмаршалу графу Рейнгольду Левенвольду, который определил малороссиянина в придворный хор.

Цесаревна Елизавета Петровна присутствовала 28 января 1737 года, в день рождения императрицы Анны Иоанновны, в церкви Зимнего дворца. Там дочь Петра I была очарована чистым голосом тенора Алексея Розума. Но еще больше она была восхищена его красотой: высокий, стройный, несколько смуглый, с черными глазами и черными дугообразными

бровями. Это был настоящий красавец. Цесаревна выпросила у Левенвольда певчего к своему двору, и у нее он получил прозвище Розумовский.

Со временем, когда у Алексея Разумовского исчез певческий голос, он занимался хозяйством дворца цесаревны, став его управляющим и любовником Елизаветы Петровны. Головокружительная карьера бывшего певчего, которому выпал редкий жребий, началась сразу же после дворцового переворота 25 ноября 1741 года. Во время коронации Елизаветы Петровны Разумовский нес шлейф императорской мантии и в этот день получил орден Св. Андрея Первозванного, чин обер-егермейстера и много земли с крестьянами.

В конце 1742 года, как утверждают иностранные источники, императрица якобы тайно обвенчалась с Разумовским в церкви подмосковного села Перово. С тех пор Елизавета Петровна, по свидетельству современников, особенно любила это село: часто посещала его, одаривала церковь дорогой утварью, богатыми ризами. Здесь следует напомнить, что еще мать Елизаветы, императрица Екатерина I, хотела выдать ее замуж за князя-епископа Карла-Августа, родственника герцога Голштинского Карла-Фридриха, супруга Анны Петровны. Однако предполагаемый жених летом 1727 года умер, и с того времени младшая дочь Петра I была объектом брачных комбинаций у придворной камарильи вплоть до вступления ее на престол. Достаточно назвать таких именитых кандидатов, как принц Георг Английский, Карл Бранденбург-Байрейтский, инфант дон Мануэль Португальский, граф Маврикий Саксонский, инфант Дон-Карлос Испанский, герцог Фердинанд Курляндский, герцог Эрнст-Людвиг Брауншвейгский и даже персидский шах Надир.

Алексей Разумовский, став морганатическим супругом Елизаветы Петровны, получил титул графа, чин фельдмаршала и превратился в богатейшего помещика России и Малороссии. У него было много драгоценностей; в торжественные дни его платье украшалось большим количеством бриллиантов, да и вообще граф жил с царской пышностью. В 1756 году влюбленная в него императрица подарила ему Аничков дворец. У Алексея Разумовского был хор роговой музыки из пятидесяти музыкантов, который впоследствии купил светлейший князь Потемкин за 40 000 рублей. Фаворит императрицы много денег тратил на игру в карты. Обычно он держал огромный банк и нарочно проигрывал большие суммы, чтобы сделать удовольствие для других.

Одна очень важная черта характера графа Алексея Разумовского отличала его от других фаворитов: несмотря на свое огромное влияние при дворе, он никогда не вмешивался в дела управления, никому не вредил и не извлекал никаких выгод из своего положения, кроме материальных, всегда стремился избегать придворных интриг. И тем не менее один прусский посланник писал в Дрезден следующее: «Влияние старшего Разумовского на государыню до того усилилось после брака их, что хотя он прямо и не вмешивался в государственные дела, к которым не имеет ни влечения, ни талантов, однако каждый может быть уверен в достижении того, что хочет, лишь бы Разумовский замолвил слово».

Современники единодушно отмечают, что фаворит при такой огромной власти был на редкость скромным, нисколько не изменил отношений к своим старым друзьям и знакомым. Описывается один случай. Однажды Разумовский вместе с императрицей приехал осматривать только что построенный дворец. Один из старых друзей Разумовского оказался среди простых служителей этого дворца. Увидев его, Разумовский, в присутствии императрицы, сердечно приветствовал его и даже поцеловал. Когда же Елизавета Петровна выразила свое недоумение и неудовольствие по поводу такого поведения, Разумовский просто и спокойно отвечал ей: «Ты, Лизочка, из меня можешь сделать что хочешь, а для них я всегда останусь тем, кем был прежде».

На родине Алексея Разумовского в небольшом хуторе Лемеша Черниговской губернии жили его родные – мать, Наталья Демьяновна, три сестры (Агафья, Анна и Вера) и младший брат Кирилл. Когда в Малороссии узнали о получении Алексеем Григорьевичем достоинства Римского графа, то отправили ему от всех чинов поздравление. На это поздравление граф ответил следующим письмом: «Высокопочтеннейшие господа! Ваше

поздравительное писание, которым вы меня почтить изволили, при получении графского достоинства священных Римских Империи, в которое Его Императорское Величество Цесарь меня возвысить соблагволил, одождает меня чрез сие принести мое благодарение с обнадеживанием всегдашнего благодарения и что я во всяких случаях то памятовать буду, что вы, высокопочтеннейшие господа, в моем благополучии участие приемлете и тому изволите радоваться, что я, приняв и возблагодарив за явленную вами при сем случае учтивость, остаюсь всегдашним моим обыкновенным почитанием, которое всегда будет непременно таким же образом, как и я имею честь быть непрестанно вашего высокопочитания послушным слугою Г. А. Разумовский. Июня 28-го 1744 году. Москва». Через два месяца после того, как Алексей был пожалован в рейхграфы по случаю заключения мира со Швецией 15 июня, оба брата были возведены в графское достоинство Российской империи.

К. Валишевский писал, что «Алексей Григорьевич был бы образцовым фаворитом, не будь его пристрастия к вину». Однако этой страсти он предавался исключительно на охоте и в узком кругу друзей.

Не менее блестящей была карьера младшего брата Алексея Разумовского – Кирилла, к которому Алексей относился с особой заботой. В детстве Кирилл вместе с братом пас в родном селе отцовских волов. Алексей занялся воспитанием младшего брата, и когда тот был уже достаточно подготовлен, отправил его в 1743 году за границу на учебу под надзором ученого адъюнкта Академии наук Теплова. Там брат фаворита находился два года: он учился в Германии, в Геттингенском и Берлинском университетах, и во Франции, в Страсбургском университете, посетил Италию. В Россию младший Разумовский вернулся в мае 1745 года, сразу же получив чин действительного камергера и орден Анны первой степени, а 21 мая 1746 года был назначен императрицей президентом Академии наук. В двадцать три года граф Кирилл Разумовский стал гетманом Малороссии в ранге фельдмаршала. Как и Алексей, он был осыпан милостями Елизаветы Петровны.

Кирилл Григорьевич Разумовский, женатый на Екатерине Нарышкиной, по словам немецкого историка Гельвига, жил в одном из обширнейших и роскошнейших дворцов столицы, имея более двухсот человек прислуги. Брат фаворита давал довольно часто блестящие праздники, помимо которых имел еще у себя ежедневно открытый для всех стол.

Любопытный факт. В одном из залов дома графа Кирилла Григорьевича в роскошном шкафу из розового дерева хранились две вещи – пастушеская свирель и простонародное малороссийское платье (кобеняк), которое он в молодости носил, когда пас стадо. Ненадменный граф сохранил эти вещи на память о своем ничтожестве и показывал их своим детям в назидание.

Братья Разумовские при жизни пользовались общественным сочувствием, являлись для народа любимыми вельможами XVIII столетия. Их отличали хлебосольство, простота, и они любили и защищали все отечественное, не чуждались просвещения.

Граф Алексей Григорьевич Разумовский умер в 1771 году, на 62-м году жизни, бездетным, и все его движимое и недвижимое имущество перешло к младшему брату, графу гетману Кириллу Григорьевичу, по богатству с которым никто в России не мог соперничать. Английский путешественник Кокс, посетивший Россию в 1778 году, писал, что принадлежавшее графу Кириллу Разумовскому село Петровское под Москвой больше походило на город, нежели на загородное поместье. Оно состояло из 40-50 каменных и деревянных домов, здесь находились телохранители бывшего гетмана, множество слуг, а также оркестр. Роскошная обстановка в доме графа поразила англичанина, хотя он достаточно рассмотрел на великолепную жизнь своих вельмож.

Выдав дочерей замуж и женив сына на самой богатой и знатной в то время невесте, графине Варваре Шереметевой, граф переехал на постоянное жительство в Малороссию, куда его всегда влекло.

В селе Яготине он построил великолепный дом с шестью павильонами, а в селе Бакланы – дом наподобие вилл, находившихся в окрестностях Рима. Постоянным местопребыванием стал любимый им Батурин, где он также с необыкновенной роскошью отделал каменный дом, прежнюю резиденцию малороссийских гетманов. Здесь же Кирилл Григорьевич скончался 9 января 1803 года. Его прямое потомство угагло в третьем поколении.

Что же касается остальных фаворитов при дворе Елизаветы Петровны, то в ее царствование в сфере высшего управления определились три периода их наибольшего влияния. В первом, с 25 ноября 1741 года и до 1745 года, монопольным было влияние лейб-медика, французского дворянина Иоганна-Германа Лестока. Независимо от этого, наибольшее влияние в государственных делах имел граф Алексей Бестужев Рюмин, воспитанный в Англии, человек умный и образованный, по мнению большинства современников, ловко ведущий придворные интриги. По их же высказываниям, вице-канцлера и позже канцлера отличали гордость, мстительность и корыстолюбие. Главная интрига этого периода заключалась в противоборстве Бестужева-Рюмина с Лестоком: если первый был благосклонен к Венскому и Лондонскому дворам, то второй являлся приверженцем Франции.

Как результат придворных интриг в первые годы царствования Елизаветы Петровны возникло мрачное дело Лопухиных. Наталья Федоровна Лопухина, жена генерал-поручика, была известна своей выдающейся красотой и образованностью. Современники утверждали, что при Анне Иоанновне на придворных балах она затмевала царевну Елизавету Петровну и что это соперничество вызвало вражду к Лопухиной. Последняя в то время была дружна с Анной Гавриловной Бестужевой-Рюминой, урожденной Головкиной, женой брата вице-канцлера.

Наталья Лопухина, бывшая в связи с находившимся в ссылке опальным Левенвольдом, послала ему поклон с одним офицером, сказав при этом, чтобы он не падал духом и надеялся на лучшие времена. А Бестужева-Рюмина послала поклон брату, графу Головкину, также сосланному по делу Остермана и Миниха. И Лопухина, и Бестужева-Рюмина были знакомы с маркизом Ботта, австрийским посланником в России. Ботта в одной из придворных бесед высказал предположение, что династия Брауншвейгская вскоре вновь воцарится на российском престоле. Эта пустая болтовня дала повод Лестоку сочинить историю о несуществующем заговоре, посредством которой он хотел нанести удар вице-канцлеру Бестужеву-Рюмину, – защитнику австрийского союза.

К следствию в Тайной канцелярии было привлечено восемь человек, к которым применили пытку. От людей, которые не скрывали сочувствия к сосланным, весьма легко было добиться признания в дерзких речах против императрицы и в порицании ее личной жизни. Приговор осужденным был суров: Лопухину с мужем и сыном, вырезав языки, колесовать. Елизавета Петровна отменила смертную казнь: она сохранила вырезание языков и добавила битье кнутом, другим участникам дела – только битье кнутом. В манифесте, в котором Россия извещалась о деле Лопухиных, вновь говорилось о незаконности царствования Иоанна VI Антоновича. В конечном итоге задуманная интрига не дала ожидаемых результатов – низвержения Бестужева-Рюмина. Его значение еще больше укрепилось.

Напряженный поединок сугубо политического характера в конечном итоге завершился победой канцлера императрицы над лейб-медиком. Бестужев-Рюмин дешифровал письма французского посланника Шетарди, друга И. Г. Лестока, и обнаружил в них резкие высказывания в адрес Елизаветы Петровны. Шетарди был арестован и выслан из России, а Лесток в ноябре 1748 года был также взят под арест, допрашивался в Тайной канцелярии и затем был отправлен в ссылку. В победе Бестужева-Рюмина весомой оказалась поддержка графа Алексея Разумовского, с которым канцлер находился в родственных отношениях.

Второй период, продолжавшийся до 1751 года, был отмечен безраздельным влиянием графа А. П. Бестужева-Рюмина. И тем не менее собственные интриги канцлера явились причиной его падения. Когда в столице получили известие о победе

фельдмаршала С. Ф. Апраксина над прусской армией Фридриха II 19(30) августа 1757 года при Грос-Егерсдорфе, русская императрица была очень больна. Канцлер, полагая, что кончина ее неминуема в ближайшее время, предложил С. Ф. Апраксину поспешить с возвращением армии в Россию. Но Елизавета Петровна выздоровела, и поспешность Бестужева-Рюмина обратилась в его собственную гибель. Его лишили всех чинов и знаков отличия, приговорили к смертной казни, которую императрица заменила ссылкой.

Третий период, самый продолжительный, был отмечен торжествующей гегемонией братьев Шуваловых: Александра II Петра Ивановичей, а также их двоюродного брата Ивана Ивановича. Помимо Алексея Разумовского в наибольшей милости у императрицы Елизаветы Петровны среди ее из бранников-фаворитов был Иван Иванович Шувалов, отец которого служил Петру I и получил знаки отличия лично от него. Иван Иванович Шувалов официально не занимал никакой государственной должности, но в ближайшем окружении императрицы именно ему принадлежала первенствующая роль во всех делах.

Выдвижение Петра Ивановича Шувалова в узкий круг первых сановников Елизаветы Петровны стало особенно активным с середины 40-х годов. Оно объяснялось тем, что он женился на любимой фрейлине императрицы Мавре Шепелевой. Его влияние при дворе усилилось в 50-е годы.

Одним из ближайших сподвижников Елизаветы Петровны являлся и граф Михаил Воронцов. Свою придворную карьеру он начинал камер-юнкером цесаревны Елизаветы в царствование Анны Иоанновны и был искренне предан дочери Петра I. Именно М. Воронцов стоял на запятках саней цесаревны в памятную ночь 25 ноября 1741 года. В 1742 году граф стал родственником императрицы, женившись на ее двоюродной сестре Анне Карловне Скавронской. Французский дипломат Ж. Л. Фавье так писал о будущем канцлере России: «Этот человек хороших нравов, трезвый, воздержанный, ласковый, приветливый, вежливый, гуманный, холодной наружности, но простой и скромный...»

Вице-канцлер граф М. Воронцов являлся сторонником союза России с Францией и Пруссией, соперничая постоянно с Бестужевым-Рюминым, выступавшим за сближение с Австрией. Борьбу двух фаворитов русской императрицы пытались использовать в своих интересах французский посланник Шетарди и прусский посол Мардефельд. Так, Фридрих II писал 19 мая 1744 года своему представителю в Петербурге: «Если есть способы, чтобы привлечь Воронцова на нашу сторону, то я уверен, что вы их не упустите». Самое забавное здесь было то, что все письма иностранных дипломатов перлюстрировались и расшифровывались, их читали и канцлер, и вице-канцлер.

Из-за пропрусских позиций значение вице-канцлера М. Воронцова при дворе Елизаветы Петровны падает с 1745 года вплоть до начала 50-х годов, когда первым фаворитом становится Иван Иванович Шувалов, с помощью которого М. Воронцов одерживает победу над Бестужевым-Рюминым, заняв в 1758 году место канцлера. И тем не менее братья Шуваловы оттесняли графа М. Воронцова от императрицы.

В царствование Елизаветы Петровны, унаследовавшей энергию своего отца, были достигнуты значительные успехи в развитии экономики, просвещения, культуры и внешней политики России. В русской армии и военно-морском флоте возрождались петровские порядки, было осуществлено их перевооружение. Время пребывания дочери Петра I на престоле было отмечено двумя наиболее характерными чертами: гуманностью и укреплением национального русского достоинства. Все ее современники подчеркивают, что никогда в России, со времени правления Софьи, не жилось подданным так легко и ни одно царствование до 1762 года не оставляло о себе такого приятного воспоминания.

Ее указом были отменены смертная казнь, пытки малолетних, клеймение и вырывание ноздрей у женщин. По инициативе Елизаветы Петровны северная столица стала обустроиваться. Талантливые зодчие, приглашенные в Россию из-за границы, воздвигали великолепные здания в Петербурге – Смольный монастырь, Пажеский корпус, Зимний дворец. Императрица, будучи очень набожной, поощряла постройку православных церквей, проявляла большую заботу о монастырях. Особое внимание императрица уделяла Троице-Сергиевой лавре. Заметим, что при ней в воскресенье и в праздничные дни

запрещалось открывать кабаки и вести торговлю. При Елизавете Петровне были построены инвалидные дома и богадельни.

Но больше всего за двадцать лет царствования дочери великого преобразователя было сделано для народного просвещения и науки. Главным помощником Елизаветы Петровны в области просвещения был граф Иван Иванович Шувалов, один из образованнейших людей того времени, меценат. Середина XVIII века была временем дальнейшего развития русской науки. Иностранцы, установившие здесь свою монополию, потеснились, уступая законное место россиянам. Целую эпоху в истории науки России составила активная и разносторонняя деятельность М. В. Ломоносова, одного из гениальных ученых XVIII столетия, мыслителя, поэта, поборника отечественного просвещения, верившего в творческие способности русского народа и убежденного, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать». Высочайшим указом в 1745 году М. В. Ломоносов, первым из русских, был назначен профессором Академии наук.

По инициативе М. В. Ломоносова, в тесном содружестве с И. И. Шуваловым, в 1755 году в Москве был открыт первый в России университет. А. С. Пушкин писал о народном самородке: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». В становлении университета как центра российского образования, науки и передовой общественной мысли огромную роль сыграл И. И. Шувалов. Как первый куратор университета фаворит-государственник непосредственно занимался подбором профессоров, студентов, учебными программами, его бюджетом. Граф подарил высшему учебному заведению книги из своей библиотеки. Одновременно с университетом были открыты гимназии в Москве и в Казани. На следующий год в Петербурге Федором Волковым был создан первый русский театр, а в 1757 году благодаря инициативе И. И. Шувалова была основана Академия художеств. В Москве, Петербурге и других крупных городах были учреждены общеобразовательные и специальные учебные заведения.

Правительство Елизаветы Петровны в традициях ее великого отца проявляло постоянную заботу о развитии внутренней торговли. Потребности роста экономики продиктовали необходимость принятия ряда мероприятий в сфере торговли, которая развивалась в условиях укрепления всероссийского рынка, усиления роли промышленного и торгового капитала. В 1747 году было установлено единообразие в системе мер и веса: на петербургском монетном дворе сделали золоченый фунт и аршин как эталоны для торговли. В 1753 году был принят новый внутренний тариф, заменивший уже устаревший тариф 1731 года. Новизна заключалась в отмене всех 17 статей сборов пошлин: отмену внутренней таможи народ приветствовал с большой радостью – опубликование манифеста сопровождалось по всей России фейерверками и иллюминациями. Спустя четыре года, в 1757 году, появился новый тариф для внешней торговли.

Благодаря покровительственной политике правительства в отношении предпринимательства активизировалась коммерческая деятельность российского дворянства. Многие представители господствующей элиты занимались торговлей, используя в личных интересах свои высокие должности. Крупные землевладельцы стали организаторами и участниками торговых компаний, откупов и подрядов, получили от правительства монопольные права на эксплуатацию промыслов. По инициативе графа П. И. Шувалова, отвечавшего за экономическую политику, в 1754 году были учреждены два дворянских заемных банка в Петербурге и Москве, а также купеческий банк в северной столице.

При Елизавете Петровне проводилась активная внешняя политика России, способствовавшая укреплению ее международного авторитета. (Вопросами внешней политики ведал в то время граф А. П. Бестужев-Рюмин.)

Почти половину своего правления миролюбивая Елизавета Петровна была вынуждена воевать, победив первого стратега того времени – Фридриха Великого. Россия тогда вела две войны – сначала со Швецией, а позже еще и с Пруссией. Русско-шведская война

завершилась подписанием 16 июня 1743 года мира в Або, по которому к России отошла часть Финляндии.

Показателем возросшего влияния России на международную политику явилось ее участие в общеевропейском конфликте середины XVIII века – в Семилетней войне 1756-1763 годов. Усиление агрессивных действий прусского короля Фридриха II создало угрозу и русским владениям в Прибалтике. К 1756 году в Европе сложились две коалиции: Австрия, Франция и Россия (впоследствии к ним присоединились Швеция и Саксония) и Пруссия в союзе с Англией. В ходе боевых действий в 1757-1758 годах русская армия нанесла Пруссии ряд сокрушительных поражений, а в 1759 году около деревни Кунерсдорф в кровопролитном сражении под командованием генерала П. С. Салтыкова наголову разбила войска короля Фридриха II. В 1760 году русская армия заняла Берлин. От полного военного краха Фридриха II спас резкий поворот во внешней политике России после смерти императрицы Елизаветы Петровны. Таким образом, своим участием в Семилетней войне Россия не имела никаких территориальных приобретений, кроме воинской славы.

Двор императрицы

Елизавета Петровна, окруженная всем блеском высшей власти, хотела осуществить девические мечты о волшебной действительности. Охота, балы, приемы и увеселительные поездки, куртаги и пиры теперь составляли самое любимое времяпрепровождение государыни. С вступлением на престол императрицы Елизаветы Петровны господствовавшее при дворе немецкое влияние сменилось французским. Вскоре мода на все французское, начиная с языка и костюма, всецело завладела русским обществом. Русский двор, подражавший Версалью роскошью и блеском, стал удивлять Европу. Щегольство петербургской знати не знало пределов. И все это поощряла сама императрица, часами просиживавшая у туалетного стола. Австрийский посланник граф Мерси д'Аржан-то в своих воспоминаниях о Елизавете Петровне отмечал, что «желание нравиться и славиться красотой было всегда одной из самых сильных ее слабостей». Современники также признавали ее лучшей танцовщицей своего времени: она с увлечением предавалась этому удовольствию, часто надевая во время маскарадов мужские костюмы. Для этого каждый вторник специально устраивались костюмированные балы для ограниченного числа избранных лиц.

Мужчины должны были приезжать в полном дамском платье, в обширных юбках, а женщины – в мужском придворном платье.

У младшей дочери первого российского императора была одна исключительная страсть, сохранившаяся с раннего детства, — увлечение нарядами. Сильнейший гнев возбуждало в Елизавете подражание ее туалетам. Так, однажды она посадила в тюрьму французскую модистку Тардьё, осмелившуюся показать фасон нового платья императрицы некоторым фрейлинам двора. В связи с этим в Елизаветинское время в высшем свете доминировало щегольство. Елизавета Петровна оставила после себя в гардеробе более 15 000 платьев, два сундука шелковых чулок.

Маскарады и балы в императорском дворе сменялись театральными зрелищами, операми и балетами, до которых Елизавета также была большой охотницей. Она очень любила французские комедии и итальянские оперы, но приветствовала и все русское, национальное, самобытное. Так, например, услышав, что в Ярославле купеческий сын Федор Волков устроил местный театр, в котором дает для народа представления, Елизавета Петровна пригласила его с труппой в Петербург. Она посмотрела их игру, осталась ею довольна и издала указ об устройстве публичного театра в столице. Таким образом было положено начало императорским театрам в России.

Елизавета, как и ее отец, любила «огненные забавы». Приезд иностранного купца, заключение мира, день рождения императрицы или великого князя, день вступления на

престол или наконец просто Новый год – всякие празднества неизбежно сопровождалось иллюминациями и фейерверком. Придворные пиротехники старались превзойти друг друга в затейливости и разнообразии фигур. О роскоши этих забав можно судить по тому, что только на один фейерверк при короновании императрицы в Москве было истрчено 19 000 рублей. Вельможитоже старались не отставать от двора, устраивая блестящие празднества на своих дачах и в пригородных домах, где всегда присутствовала и императрица.

Часто во дворце назначались и детские вечера, на которые привозили малолетних сыновей и дочерей придворных. Елизавета устраивала для них танцы, игры и другие развлечения, любовалась весельем детей, а затем приглашала их родителей к себе на ужин, оставаясь с ними до позднего часа. Будучи очень гостеприимной и в совершенстве зная все секреты русской кухни, императрица иногда сама приготавливала любимые блюда и угощала ими наиболее близких ко двору лиц.

Но самая утонченная роскошь сосредоточилась в Царском Селе. Во дворце императрицы была устроена особая подъемная машина, которая поднимала гостей, сидевших на мягких диванах, на второй этаж; обеды подавались на «волшебных» столах: без всякой прислуги на них появлялись разные кушанья, вина и фрукты. Роскошь русского двора не уступала роскоши французского, самого блестящего в Европе в то время.

Князь М. М. Щербатов в своем известном политическом памфлете в роскоши елизаветинского двора видел упадок нравственности, означавший потерю российским дворянством простоты, благородства древних. «Двор, – писал он, – подражая или, лучше сказать, угождая императрице, в златотканые одежды облакался, вельможи изыскивали в одеянии все, что есть богаче, в столе – все, что есть драгоценнее, в питье – все, что есть реже, в услуге – возобновля древнюю многочисленность служителей, приложили к оной пышность в одеянии их. Екипажи возблистали златом, дорогие лошади, не столь для нужды удобные, как единственно для виду, учинились нужды для вожения позлащенных карет. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всех комнатах, дорогими мебельями, зеркалами и другими. Все сие составляло удовольствие своим хозяевам, вкус умножился, подражание роскошным нарядам возрастало, и человек делался почитателен по мере великолепия его житья и уборов».

Внутренний ежедневный караул в императорском дворце несла лейб-компания, состоявшая из пятидесяти человек, из которых десять человек при одном капрале были от кавалергардов. Все они подчинялись графу А. Г. Разумовскому. Караул заступал в двенадцать часов и каждый день сменялся. Часовые кавалергарды никому, кроме самой императрицы, чести не отдавали, о чем свидетельствует приказ Елизаветы Петровны от 7 февраля 1747 года. В нем говорилось, чтобы «перевести кавалергардских часовых в парадную линию и оным бы часовым чести не отдавать никому». Единственной обязанностью лейб-компания являлась охрана особы императрицы или императорской фамилии. Как в Петербурге, так и в Москве и в загородных дворцах обеих столиц при императрице, во время высочайших путешествий, а также при Великом князе и Великой княгине – всегда находилась лейб-компания.

При назначении в кавалергарды обращалось внимание на поведение, возраст и красоту. В частности, повышенные требования предъявлялись к выправке часовых во время аудиенций, балов, куртагов и других придворных торжеств. В документах встречаются личные указания императрицы Елизаветы Петровны А. Г. Разумовскому, А. И. и П. И. Шуваловым, чтобы «ставить в куртаг людей лучших», «чтоб в праздники и в куртажные дни ставить на часы – видных, и молодых, и исправных, и великорослых людей».

Граф А. Г. Разумовский руководил лейб-компанией с октября 1745 года в звании капитан-поручика. Делами придворной гвардии непосредственно заведовали его генерал-адъютанты – Воейков, Сумароков и Елагин. Как начальника графа Разумовского больше всего беспокоило то, чтобы лейб-гвардейцы не ссорились между собой, а когда это происходило, то быстро бы мирились, не доводя дело до суда. Поэтому обыкновенно его резолюции на челобитных были такими: «...чтоб обидчик просил прощения, а иначе

подвергнется аресту». Кавалергарды, поссорившись, сами быстро заключали между собой «мировую».

Заметим, что фавориту Елизаветы Петровны было весьма затруднительно поддерживать необходимую дисциплину и особенно истребить в лейб-компании такое зло, как «безмерное и бесчувственное» пьянство. В то время эта проблема осложнялась тем обстоятельством, что увлечение «змием» было повсеместным явлением в нравах российского общества. Кстати, и сам капитан-поручик не избежал этого массового порока и «пьяный бывал весьма неспокоен».

Из-за близости к императорскому двору в лейб-компании была низкая служебная дисциплина, гвардейцы императрицы бражничали, играли в карты, дрались и иногда воровали. Вот один из многочисленных примеров: 4 ноября 1753 года, стоя на часах в Покровском дворце, гренадер-кавалергард Юдин ночью «пьяный шумел и... бранился». Караульный капрал Жердин стал его унимать, но и его Юдин бранил скверными словами... Дело дошло до дежурного генерал-адъютанта П. И. Шувалова. Поскольку пьяный кавалергард кричал «государево слово и дело», им занялась Тайная канцелярия. Она постановила: «По всенижайшему Тайной канцелярии мнению рассуждается: Юдина из лейб-компании выключить и определить с тем же чином во отдаленные гарнизоны; однако же сие передается в Высочайшее Е. И. В-ва соизволение и милосердие».

С 1759 года наметилось стремление графа А. Г. Разумовского поднять дисциплину в лейб-компании: стали применяться более строгие наказания, предъявляться повышенные требования к одежде и т. д. Одновременно было предписано «чинам лейб-компании в трактиры и другие непристойные места не ходить». Но все эти меры, судя по документам, желаемых результатов не давали. Приходилось прибегать к способу «выбрасывания» из лейб-компании наиболее негодных и дерзких гренадеров. Так, приказом от 16 апреля 1760 года в армию были переведены «за продерзости» 5 гренадеров, что составило 23% всех отчисленных в армейские полки за время руководства лейб-компанией фаворита Елизаветы Петровны.

Императорская лейб-компания имела одну традицию: до 1754 года Елизавета Петровна являлась за стол своей гвардии 25 ноября «яко той роты капитан... в гренадерском офицерском уборе», а с этого года – «в дамской униформе, как в полковые праздники». Всегда в этот день (за исключением 1753, 1757 и 1761 гг.) императрица обедала или ужинала с лейб-компанией.

С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» обращал внимание на то, что «говоря о значении царствования Елизаветы, мы не должны забывать характер самой Елизаветы». Ученый, в частности, подчеркивал следующее: «Веселая, беззаботная, страстная к утехам жизни в ранней молодости, Елизавета должна была пройти через тяжкую школу испытаний и прошла ее с пользой. Крайняя осторожность, сдержанность, внимание, умение проходить между толкающими друг друга людьми, не толкая их, – эти качества, приобретенные Елизаветой в царствование Анны, когда безопасность и свобода ее постоянно висели на волоске, эти качества Елизавета принесла и на престол, не потеряв добродушия, снисходительности, простоты отношений. Наследовав от отца умение выбирать и сохранять способных людей, она призвала к деятельности новое поколение русских людей». В. О. Ключевский так характеризует дочь Петра I: «Живая и веселая, но не спускавшая глаз с самой себя, при этом крупная и стройная, с красивым круглым и вечно цветущим лицом, она любила производить впечатление».

В своих привычках и образе жизни Елизавета Петровна переходила от одной крайности к другой. Будучи очень религиозной и глубоко почитая святыни православной церкви, она часто проводила в храме много часов, стоя на коленях до изнеможения, до обморока. Все посты соблюдались Елизаветой очень строго: во время них она питалась только хлебом, квасом и вареньем. Нередко прямо с бала, затянувшегося до утра, императрица ехала в церковь и молилась там несколько часов подряд. Поездки на богомолье у нее чередовались с шумными балами, которые иногда продолжались два дня непрерывно. Кстати, у Елизаветы Петровны было немало тем, нежелательных для беседы

за ее столом, в частности, не следовало говорить о Фридрихе II или о Вольтере, о болезнях, покойниках, как равно о красивых женщинах или французских манерах, и тем более рассуждать о науках. Кроме того, не следовало касаться вопроса о суевериях, к которым императрица была весьма склонна.

Наследник престола – внук Петра Великого

Елизавета Петровна, заняв родительский трон, сразу же решила вопрос о престолонаследии. Она вызвала в Петербург из Голштинин родного племянника, чтобы подготовить его к обязанностям будущего императора России.

Сын цесаревны Анны Петровны и Голыптейн-Готторпского герцога Карла-Фридриха Карл-Петр-Ульрих родился 10 февраля 1728 года в портовом городе Киле – столице этого герцогства. Месяца через два после рождения ребенка Анна Петровна простудилась и на двадцать первом году жизни скончалась. Академик Я. Штелин, воспитатель сына герцогини, так описывает обстоятельства смерти старшей дочери Петра I: «Между прочими удовольствиями по случаю рождения герцога Карла-Петра-Ульриха, спустя несколько дней после того, как новорожденный принц был окрещен придворным пастором, доктором Хоземаном, зажжен был перед дворцом фейерверк. При этом загорелся пороховой ящик, отчего несколько человек было убито, многие ранены, и нашлись люди, которые объясняли этот случай в такой радостный день как зловещее предзнаменование для новорожденного принца. Вскоре случилось еще большее несчастье. Герцогиня пожелала видеть фейерверки и иллюминацию, встала с постели и встала у открытого окна при сыром и холодном ночном воздухе. Некоторые из придворных дам хотели удержать ее и убедительно просили ее закрыть окно и более беречь себя в настоящем положении. Но она засмеялась и сказала: „Мы, русские, не так изнежены, как вы, и не знаем ничего подобного“. Между тем эта прелестная принцесса простудилась, занемогла горячкою и скончалась на десятый день».

Набальзамированное тело Анны Петровны на фрегате доставили в Петербург для торжественных похорон. Сын Анны Петровны Карл-Петр-Ульрих Голштинский до четырнадцати лет воспитывался при дворе Фридриха II, находясь на попечении лиц из окружения герцога Голштинского, в основном женщин. С семилетнего возраста к нему были приставлены военные чины, призванные посвятить мальчика во все тайны военного искусства. Он учился военным приемам и маршировке, ходил в караул и дежурства наравне с другими молодыми людьми при дворе герцога. Наследник престола так пристрастился к службе, что парады и разводы стали для него большим праздником. После смерти отца десятилетний мальчик был взят под опеку дядей – принцем Адольфом, епископом Эйтенским, возведенным впоследствии на шведский трон.

Историки отмечают, что встреча 5 февраля 1742 года царственной тетки с племянником была очень трогательной. Елизавета могла теперь ежедневно видеть рядом с собой сына сестры и единственного представителя петровской линии. Императрица возвела его по традиции в звание подполковника Преображенского полка, одновременно пожаловала наследнику орден Святого апостола Андрея Первозванного, а также подарила ему дворец в Ораниенбауме и несколько богатых поместий в России. Елизавету Петровну огорчал болезненный, хилый вид прибывшего принца, особенно ее поразило то обстоятельство, что мальчик до сих пор серьезно ничему не учился. Поэтому она сразу же поручила своим посланникам при европейских дворах доставить ей несколько новейших планов воспитания царственных наследников.

Принявший православие четырнадцатилетний принц Карл-Петр-Ульрих стал великим князем Петром Федоровичем и 15 ноября 1742 года был торжественно объявлен наследником российского престола. До этого дня племянник Елизаветы Петровны являлся также претендентом на шведский престол – по родственным связям и договорам своего отца. Так случилось, что к моменту принятия православия племянником русской

императрицы и официального объявления его преемником Елизаветы Петровны умер шведский король. В Петербург прибыли посланцы с предложением Петру принять шведскую корону, но они опоздали.

Учеба юного племянника российской императрицы проводилась по программе, составленной академиком Я. Штелиным. Он сам занимался по ней с наследником. Особое внимание в этой программе уделялось изучению русского и французского языков, хотя именно по ним занятия проходили с большими затруднениями. Прежде всего, великим князем плохо усваивался русский язык, несмотря на все усилия преподавателя Исаака Веселовского.

Кроме языков и закона Божия наследник изучал географию, ему читали историю соседних государств, два раза в неделю он повторял хронологию и знакомился с положением государственных дел. Документы свидетельствуют, что фортификация и основы артиллерии с обзором существующих европейских укреплений являлись любимейшими предметами великого князя. Не случайно Елизавета Петровна преподнесла ему весьма необычный подарок. Для Петра по ее указу был сделан фортификационный кабинет, в котором в двадцати четырех ящиках находились все виды укреплений, начиная с древнеримских и завершая новейшими. Для ознакомления с укреплениями Российского государства наследнику выдавали большую секретную книгу, в которой были изображены все крепости империи: от Риги до китайской границы, с подробным описанием каждой. При ознакомлении с содержанием этой книги академик давал ему пояснения по истории и географии.

В деле воспитания и обучения наследника российского престола для Штелина главным препятствием являлась сама придворная жизнь: по желанию тетки-самодержицы Петр должен был присутствовать на всех торжествах, балах, маскарадах, приемах. Танцмейстеру Лауде пришлось приложить немало усилий для того, чтобы обучить юного князя каким-нибудь танцам, в которых мастерицей была Елизавета. Ее племянник не походил на светского кавалера, ибо дворцовым балам предпочитал церемониальные марши.

Чтение книг, занятия наукой также не привлекали малоразвитого Петра, ибо всему он предпочитал военные игры. Разумеется, это не означало, что в нем таились способности будущего полководца. Когда преподавались история, нравственность, статистика и государственные дела, наследник был невнимательным, рассеянным и капризным.

Елизавета Петровна между тем занялась поисками невесты для племянника и свой выбор остановила на дочери принца Ангальт-Цербстского Софии-Августе-Фредерике.

21 апреля 1729 года в немецком городе Штетине у командира прусского пехотного полка, принца Ангальт-Цербстского Христиана-Августа и его супруги принцессы Гольштейн-Готторпской Иоганны-Елизаветы родилась дочь, нареченная по лютеранскому обычаю тройным именем София-Августа-Фредерика. В свое время это событие не привлекло внимания, и никому в голову не могла прийти мысль, что новорожденной дочке бедного немецкого принца суждено через несколько лет вступить в родство с династией Романовых, стать у кормила управления Россией и приобрести в истории громкое имя.

Детство Софии-Августы-Фредерики было ничем не примечательно, и будущность, по-видимому, не сулила ей ничего значительного. Мать не обращала особого внимания на воспитание дочери, с ней занималась, главным образом, гувернантка-француженка Кардель. К занятиям София относилась прилежно, вникала в смысл бесед воспитателей, но при этом всегда стремилась делать из приобретенных знаний самостоятельные выводы.

Однажды в 1739 году в замке епископа Эйтенского встретились его молодые родственники: двенадцатилетний принц Петр-Фридрих Голштинский и десятилетняя принцесса София-Августа Ангальт-Цербстская. Принц приходился хозяину замка двоюродным племянником, а принцесса племянницей. Никто не мог тогда и предположить, что через несколько лет епископ Эйтенский займет шведский престол, который ему уступит племянник, чтобы вступить на русский престол, а троюродная сестра молодого принца станет его супругой, а позже самодержавной императрицей.

И еще один факт, связанный с будущей супругой великого князя Петра Федоровича. В начале 40-х годов XVIII века к герцогине Брауншвейгской приехала в гости принцесса Иоанна-Луиза Ангальт-Цербстская с дочерью. У герцогини, хозяйки дома, собралось также несколько духовных лиц. Между ними находился каноник из рода Менгденов. Он был известен умением предсказывать будущее. Мать находившейся здесь принцессы Марианны Беверской попросила сказать о судьбе своей дочери, не ждет ли ее в будущем корона?

Духовник ничего не сказал о Марианне, но зато, обратившись к матери ее подруги, принцессе Ангальт-Цербстской, сказал: «На лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мере три». Принцесса приняла тогда эти слова за шутку.

Неожиданно принцесса Ангальт-Цербстская получила приглашение от российской императрицы приехать с дочерью в гости в Петербург. Наружность Софии-Августы-Фредерики пришлась Елизавете Петровне по душе, и она, несмотря на сопротивление приближенных, решила повенчать племянника, великого князя Петра, с его троюродной сестрой.

Бракосочетание наследника русского престола Петра Федоровича с немецкой принцессой, нареченной при переходе в православие Екатериной Алексеевной, состоялось 21 августа 1745 года в Казанском соборе. Жениху шел восемнадцатый год, невесте – семнадцатый. В связи с этим событием в «Записках императрицы Екатерины II» говорится: «Императрица (Елизавета. – А. М.) назначила быть свадьбе 21 августа. По мере того как этот день приближался, моя грусть становилась все более и более глубокой. Сердце не предвещало мне большого счастья, одно честолюбие меня поддерживало. Свадьба была проведена с большим торжеством и великолепием... На другой день после свадьбы, приняв от всех поздравления в Зимнем дворце, мы поехали обедать к императрице в Летний дворец. Поутру она мне привезла целую подушку, сплошь покрытую чудным изумрудным убором, и послала сапфировый убор великому князю для подарка мне; вечером был бал в Зимнем дворце; два дня спустя императрица отобедала у нас в Зимнем дворце. Свадебные празднества длились десять дней».

Великая княжна Екатерина Алексеевна в течение девяти лет супружества не имела детей, и потому рождение в сентябре 1754 года ее первенца Павла было радостно встречено царской семьей как залог утверждения наследственного престола, подвергавшегося в первой половине XVIII века столь частым колебаниям. Около года длились торжества по поводу рождения внука Елизаветы. К примеру, у фаворита императрицы И. И. Шувалова был костюмированный бал, который продолжался сорок восемь часов.

В декабре 1757 года Екатерина родила дочь Анну, но та через год и три месяца умерла.

С первых дней рождения Павла императрица взяла его от родителей в свои покои под личное покровительство и занималась его воспитанием. Елизавета Петровна заходила к нему ежедневно, иногда ночью, а в иной день по два и три раза. Ребенка окружала толпа нянек и мамушек. В мемуарах одного из современников читаем: «Один раз он из колыбели выпал, так что никто того не слышал. Пробудились поутру: Павла нет в колыбели; посмотрели – он лежит на полу и очень крепко опочивает». В то же время Екатерина, мать Павла, не имела возможности часто видеть своего сына. И только в конце царствования Елизаветы Екатерина получила дозволение видеть своего сына раз в неделю. Летом 1760 года Елизавета Петровна назначила главным воспитателем великого князя Павла Петровича графа Никиту Ивановича Панина со штатом учителей.

Императрица уже несколько лет страдала болезненными припадками, которые стали учащаться начиная с 1757 года.

В 1761 году ее здоровье продолжало ухудшаться. Она почти постоянно находилась в постели, слушая доклады. Двор Елизаветы Петровны был погружен в уныние. Летом 1761 года здоровье дочери Петра I еще более ухудшилось. Печальная развязка наступила скорее,

чем ожидали придворные. Н. И. Костомаров в книге «Императрица Елизавета Петровна» о ее последних днях писал следующее: «Она почти постоянно находилась в постели, но слушала доклады. В конце ноября императрице стало лучше, она начала заниматься государственными делами. Но 12 декабря ее здоровье резко ухудшилось: медики заметили зловещие признаки скорой смерти».

Елизавета Петровна, по примеру предков, которые всегда, предчувствуя близкую смерть, делали различные прощения и милости своим подданным, 17 декабря 1761 года объявила Сенату Именной указ – освободить всех содержавшихся по корчемству, ликвидировать дела следствия, возратить ссыльных, а также найти способ для замены соляного налога, собиравшегося с населения.

20 декабря императрица почувствовала себя необыкновенно хорошо, однако 22-го числа в 10 часов вечера ее опять изнуряли рвота с кровью и кашель. Тогда врачи Елизаветы Петровны прямо заявили, что здоровье государыни находится в крайней опасности. Выслушав такой приговор, императрица на следующий день, 23 декабря, изъявила желание причаститься, а 24-го числа и соборовалась. Вечером, накануне праздника Рождества Христова, она приказала читать над собой отходные молитвы и сама повторяла их за духовником. Вся ночь после того и все утро следующего дня прошли в агонии.

...Во дворце собрались все придворные. Из толпы царедворцев выделялись два старика, бродившие с грустными лицами по залу. Это были последние «птенцы Петровы» – Неплеев и Шаховской, провожавшие теперь и дочь первого российского императора в могилу. В зале слышался сдержанный гул от тихих разговоров. Все напряженно ждали.

...Глаза умиравшей императрицы блуждали по опочивальне, останавливаясь на знакомых лицах: у ее изголовья склонился граф Алексей Разумовский, а у ее ног, стоя на коленях, рыдала великая княгиня Екатерина Алексеевна, в углу на диване сидел великий князь Петр Федорович. Здесь же находились ближайшие царедворцы.

В начале четвертого часа пополудни 25 декабря Елизавета Петровна вдруг приподнялась, видимо силясь что-то сказать, но язык уже не повиновался ей, и она, упав со стоном на подушки, испустила последний вздох. Тотчас же вышел из спальни старший сенатор князь Никита Трубецкой и объявил, что «императрица Елизавета Петровна скончалась и государствует в Российской империи его величество император Петр III».

В особом приложении к «Санкт-Петербургским ведомостям» появилось экстренное сообщение о кончине императрицы. В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» отмечает, что «царствование ее было не без славы, даже не без пользы».

За неделю до смерти, 18 декабря, Елизавете исполнилось пятьдесят два года: из них двадцать лет, один месяц и шесть дней она находилась на троне Российской империи. Память дочери Петра Великого была почтена слезами и благословением народа, который грустил о прошлом времени и боялся будущего, связанного с новым императором России.